

Эйлин нравилась его сдержанность. Она пожала плечами и легко бросила: «После свадьбы выяснилось, что он был агентом Интерпола, внедрённым сюда. Таких, конечно, оставлять в живых нельзя. Но человека, которого я полюбила, должна убить только я сама. Вот я его и убила. Тело закопала в маковом поле. При жизни он хотел бороться с наркотиками, а я сделала так, чтобы после смерти он стал удобрением для ещё более красивых маков. Каждый раз, глядя на цветущие маки, я будто вижу его улыбку». Она говорила это легко и непринуждённо, словно любуясь собственной изобретательностью.

Лин Цзыхань безучастно держал чашку с кофе, но не пил. Он внимательно слушал, лишь изредка вежливо кивая, не высказывая никаких комментариев.

Эйлин чувствовала, будто говорит с пустотой, но сдаваться не собиралась. Вдруг она спросила: «А ты? За свою жизнь ты кого-нибудь любил?»

Лин Цзыхань на мгновение задумался, затем слегка кивнул.

Эйлин сразу же заинтересовалась: «Кто?»

Лин Цзыхань замаялся, словно не зная, стоит ли говорить.

Та, кажется, поняла и осторожно спросила: «Это... Муша?»

Лин Цзыхань выглядел слегка неловко. Он опустил голову и начал водить пальцем по краю чашки.

Эйлин радостно рассмеялась: «Неужели ты ему не сказал?»

Лин Цзыхань покачал головой: «Между нами слова не нужны. Он знает, о чём я думаю».

«О? — Эйлин стало ещё интереснее. — У вас уже такая глубокая связь?»

Лин Цзыхань холодно посмотрел на неё, всем видом показывая, что её слова — пустая болтовня.

Эйлин улыбнулась, вдруг поставила чашку, села рядом с ним и обняла его за руку.

Лин Цзыхань чуть не подпрыгнул.

Его реакция позабавила Эйлин: «Ты никогда не был с женщиной?»

Лин Цзыхань помедлил, затем кивнул.

Эйлин приблизила к нему свои алые губы и тихо прошептала: «А думал об этом когда-нибудь?»

Лин Цзыхань заёрзал, собираясь встать и отстраниться.

Но Эйлин уже положила руку ему на плечо, наклонилась вперёд, почти прижалась к нему и коснулась губами его щеки. «Цю, ты мне нравишься», — томно прошептала она.

Лицо Лин Цзыханя залилось краской. Его рука дёрнулась, и кофе пролился на них обоих. Он поспешно попытался оттолкнуть Эйлин, запинаясь: «Госпожа... это... я... я не могу...»

Эйлин взяла у него чашку, поставила на пол и, улыбаясь, прильнула к нему. Руки её естественным движением вытащили край его рубашки из брюк и легли на поясицу. «Какой

же ты молодой, — с восхищением прошептала она. — Кожа такая гладкая...»

Лин Цзыхань стиснул зубы, резко оттолкнул её и вскочил на ноги. «Простите, госпожа, — холодно сказал он. — Женщины мне не интересны. Боюсь, я не могу принять ваши знаки внимания. Одежда испачкана, мне нужно переодеться. Всего доброго».

Он уже подошёл к двери, когда Эйлин вдруг окликнула его: «Гуй Цю».

Лин Цзыхань остановился и обернулся.

Эйлин по-прежнему улыбалась, словно ничего не произошло, и спокойно спросила: «Перед твоим приездом я наводила о тебе справки. Говорят, ты убиваешь только за деньги, без всяких причин. Так?»

Лин Цзыхань слегка кивнул: «Да. Хотя иногда бывают исключения».

«О? Какие же?» — непринуждённо откинувшись на спинку дивана, спросила Эйлин. Её бордовая рубашка была в пятнах от кофе, похожих на засохшую кровь, но она, казалось, не обращала на это внимания — будто так и было задумано.

Лин Цзыхань по-прежнему был в чёрной рубашке; намокшие места просто казались темнее. Выслушав вопрос, он совершенно спокойно ответил: «Если я захочу кого-то убить, то сделаю это и без денег».

Эйлин громко рассмеялась: «Отлично! Мне это нравится. Вообще-то, мы могли бы заключить сделку. Ты ведь можешь работать в одиночку? Тебе нужно разрешение главы группы? Или согласие Мушы?»

Лин Цзыхань посмотрел на неё некоторое время, затем холодно сказал: «Не нужно. Я делаю, что хочу. Мне никто не указ».

Глаза Эйлин загорелись. Она сложила руки с нескрываемым восторгом: «Тем лучше. Иди переоденься, а потом я сведу тебя пострелять».

Лин Цзыхань сохранял спокойствие, оставаясь холодным как лёд. Он переоделся — снова в простую чёрную хлопковую рубашку, аккуратно заправленную в грубые чёрные брюки.

Эйлин прекрасно понимала, почему он носит только хлопок: если в тебя попадёт пуля или поранят другим оружием, волокна ткани могут попасть в рану. Синтетика вызовет воспаление, а хлопок — нет.

Она сидела в машине и всё время улыбалась, наблюдая, как высокая фигура Лин Цзыханя выходит из виллы, спокойно открывает дверь и садится на пассажирское сиденье. Затем она рванула с места и выехала из долины.

В долине воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким появлением слуг, которые убирали дома, подметали дворы и готовили ужин — картина полной идиллии.

Когда закатные лучи окрасили небо, в долину въехал кортеж Гусмана.

Все выходили из машин сияющие. Вэй Тяньюй шёл в центре группы, явно удостоившись почёта. Его инструментальный ящик почтительно нёс бородатый мужчина, чей статус здесь тоже был высок, но теперь он с готовностью нёс этот ящик, явно преклоняясь перед мастером.

Кан Мин и люди Гусмана, отвечавшие за наркоторговлю, уже обсудили сделку. Услышав шум, они с улыбками вышли навстречу. «Генерал, вы в таком прекрасном настроении! — громко приветствовали они. — Видно, Лин Ша и вправду оправдал свою славу!»

Гусман радостно махнул рукой: «Ещё бы! Муша действительно открыл нам глаза. Если переделать наше оружие по его идеям, мощность возрастёт минимум втрое. Думаю, даже если удвоим цену, покупатели найдутся!»

Остальные наперебой заговорили: «Вот именно! Никогда бы не подумали, что такое простое изменение полностью меняет баллистику! Неудивительно, что мы раньше, даже купив оружие, модифицированное Лин Ша, не могли понять принцип!»

Гусман улыбнулся: «Муша, ты сегодня здорово потрудился. Сначала прими душ, а потом приходи ужинать. Я обязательно выпью с тобой!»

Вэй Тяньюй с улыбкой кивнул: «Хорошо».

Ло Минь вошёл с ним в виллу, и они разошлись по своим комнатам, чтобы поскорее принять душ.

Кан Мин, представив, как двое красавцев моются, почувствовал знакомое волнение, и мысли его понеслись в опасном направлении.

Юань Ша, похоже, угадал его настроение и поспешил тихо сказать сзади: «Минь-гэ, здесь не место. Генерала лучше не злить, а он этими двоими явно дорожит. Держи себя в руках, не делай глупостей».

Кан Мин кивнул.

Застольная атмосфера в этот вечер была ещё жарче, чем накануне. Прежняя натянутая вежливость исчезла, все обращались с Вэй Тяньюем как с родным братом. Многие говорили: «Лин Ша, оставайся у нас подольше! Вместе разработаем новые модели оружия — продавать будем за бешеные деньги!»

Человек Гусмана, отвечавший за оружейный бизнес, тоже был в восторге: «Раньше мы только копировали чужое, даже модификации были несерьёзные. Ты pomoжешь нам по-настоящему улучшить технологии — это даст бизнесу огромный толчок вперёд!»

Гусман с улыбкой поддержал: «Верно, Муша. Остайся на время. Что до сделки — никаких проблем! Ты получишь весь товар по себестоимости, я с тебя прибыли не возьму».

Вэй Тяньюй по-прежнему сохранял мягкую, неторопливую улыбку: «Хорошо. Это моё увлечение, так что я только рад».

Остальные встретили его слова радостными возгласами, тут же подняли бокалы и выпили за него.

Воспользовавшись всеобщим весельем, Ло Минь с улыбкой обратился к Гусману: «Генерал, раз вы с Мушой стали как родные, я, пожалуй, отправлюсь».

Гусман слегка удивился: «Что так, Аминь? Можешь и ты погостить, мы ведь давно не виделись».

Ло Минь вежливо улыбнулся: «Я бы с радостью остался, но дома много дел. К тому же, в следующем месяце Юй-гэ отправляется с визитом в Европу, мне нужно его сопровождать, да и подготовка потребует времени».

Гусман одобрительно закивал: «Верно, верно. Я очень уважаю подход А Юя. Идти в политику — правильный ход, это даёт нашему бизнесу отличную защиту».

«Именно так», — согласился Ло Минь.

«Вы все молодцы, — рассмеялся Гусман. — Глядишь, ещё и президентами станете. Тогда уж я точно устрою вам грандиозный праздник!»

<http://bllate.org/book/16287/1467994>